

Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н. Н. Стрехова

Автор: Е. Н. МОТОВНИКОВА

Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н. Н. Стрехова*

В статье рассматриваются общие подходы к постановке национального вопроса, которые предложил Н. Н. Стрехов в диалоге и полемике с современниками. Характеризуется специфика интеллектуального "почвенничества" Н. Н. Стрехова и уточняется предпочитаемая им герменевтико-критическая форма социального мышления.

The article describes the background of philosophical and journalistic work of N.N. Strakhov, in which he sought the most correct of the national question as a question of the role of ethnic culture basis. The specificity of Strakhov's intellectual "pochvennichestvo" and his hermeneutic-critical form of social thinking are characterized.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. Н. Стрехов, национальный вопрос, почвенничество, органическая критика, теория культурно-исторических типов.

KEY WORDS: Nikolay N. Strakhov, national question, pochvennichestvo, organic criticism, theory of cultural-historical types.

Национальный вопрос традиционно относится к числу трудных вопросов социального мышления в России. С наибольшей широтой и многосторонностью он обсуждался в отечественной периодической печати середины XIX столетия и хорошо известен как литературно-философский спор славянофилов и западников. Маловыигрышной и как бы отложенной впрок оказалась позиция, в которой подчеркивалась ограниченность отдельных точек зрения, необходимость обратить внимание на их общие смыслы, смысловую историчность и конкретность самого вопроса о национальном. Сторонники этой позиции, собиравшиеся вокруг братьев Достоевских, дважды решились высказываться "поверх барьеров", стараясь на общей "почве" служения народу объединить враждующие стороны, вначале в журнале "Время" (1861 - 1863), а потом в "Эпохе" (1864 - 1865). Почвенники учитывали неоднозначность теоретических выводов из любой - как это называется сегодня, конструктивистской либо примордиальной - трактовки этносоциальных феноменов. Они признавали справедливость критических замечаний к славянофильским

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект N 13 - 03 - 00336 "Концептуальный каркас культурно-исторической эпистемологии и современные тенденции в методологии гуманитарных исследований".

тезисам, в которых трактовалась этнокультурная природа русского социального единства, но не были определены и отчетливо зафиксированы общенациональные культурные формы, собственно "русскость". Не менее остро критиковали почвенники и западническое видение России как части европейского культурного универсума. Для них это означало жизненную потерю: полное обесценивание в настоящем и будущем собственно национального - потерю социальной самобытности, вытеснение этничности в музей, в безвременность. Однако попытки литературного примирения провалились; готовность к идейному размежеванию явно преобладала над почвенническим "понимающим" социальным мышлением. На первый план вышли социально-политические вопросы, поглотившие все остальные; исследования этой герменевтической позиции надолго были отложены. После полуторавековой драматичной истории национального вопроса, к середине 10-х годов XXI в. герменевтические подходы к национальному вопросу остаются малоосвоенными, требующими специальных усилий для теоретического возобновления¹.

* * *

Последовательно "почвенные" размышления о национальном вопросе, его смыслах, исконных по отношению к теоретическим построениям на злобу дня, мы находим уже в работах А. А. Григорьева². Н. Н. Страхов - один из ведущих авторов "Времени" и "Эпохи", числивший себя учеником А. А. Григорьева, - выражал этнофилософские настроения именно "почвенников", предлагая усматривать общие смыслы славянского вопроса в понятиях шеллингианско-григорьевской органической диалектики. Его статьи 1860 - 70-х гг. о литературе написаны с точки зрения органического развития прежде всего русского славянского народа и направлены как против европоцентричных западников, так и против весьма авторитетных в те годы славянофилов, равно не избежавших ошибки одностороннего упрощения, идеологизации национального вопроса. Полемические риски Страхова достигают здесь некоторого предела: он адресует идеологам враждующих сторон вопросы с публицистической прямоотой, соблюдая общую презумпцию здравого смысла (см. [Ольхов 2009]). Почему, несмотря на огромные усилия в деле европеизации России, успехи в нем столь фрагментарны, а конфликты вспыхивают вновь и вновь? Когда и кто прояснит, сформулирует для нас самих народные идеалы и исторические устремления? Н. Н. Страхов обращал внимание думающих читателей на жизненное происхождение конфликта начал европейской культуры с устоями, понятиями и привычками русской жизни: "Если в самой натуре, в задатках нашего нравственного бытия есть препятствие, не дающее нам покорно и слепо подчиняться чуждому влиянию, если мы одарены некоторою нравственною самостоятельностью, крепкою, но не ясно сознаваемою, то понятно, что должна возникнуть борьба между стремлениями наших душевных сил и тем умственным строем, который на них налагается, который ставится для них авторитетом и правилом. Таким образом, вместо простой истории, по которой нам следовало послушно принимать европейское просвещение и с каждым годом преуспевать в нем все более и более, - получается история весьма сложная и темная" [Страхов 2000, 64]. В этой истории, по предположению Страхова, необходимо разобраться, понять характер и смысл основ народной жизни возможно конкретнее и полнее из нее самой, а не из предварительно придуманного представления (теории) о "правильном" пути человечества, цивилизации, государства и т.п., космополитической ли, национальной ли модели. "Бедна наша литература, и скудно наше умственное развитие; но всего прискорбнее то, что мы вечно, то с той, то с другой точки зрения, плюем на эту литературу и на это развитие. <...> Ее содержание, ее стремления и задачи гораздо обширнее и важнее, чем думают многие ценители; западники находят ее славянофильской, славянофилы - западнической; но она ни то ни другое" [Страхов 2000, 75].

Н. Н. Страхов настаивал на том, что особенности организации жизни в России по сравнению с Европой нужно принять за данность и учитывать, а не подгонять под чуждые категории. В отсутствие демократических политических форм выражения (как на Западе) наши национальные чувства, идеи, стремления находят выход в художественных формах поэзии, литературы, музыки, театра - значит, в этих формах и следует их искать

и исследовать адекватными средствами понимания. "...Искусство по самой своей сущности *национально*. <...> Отвлеченное требование народности от литературы есть мысль очень простая; наши славянофилы, выходя последовательно из своих начал, давно и твердо ее заявили, и пытались с этой точки зрения анализировать нашу литературу. Но они обыкновенно приходили к тому, что, за немногими исключениями, отрицали самостоятельность и, следовательно, народность наших художественных писателей. Таким образом от глаз этих мыслителей ускользнуло именно то, что должно бы их всего более радовать; они не видели, что борьба своего с чужим уже давно началась, что искусство, в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости, предупредило отвлеченную мысль. Наша литература есть драгоценное и высокое явление нашей жизни; поэтому разгадать внутреннюю силу ее развития, смысл ее движения есть глубокая и важная задача" [Страхов 1876, III-IV, VIII]. Не будет преувеличением сказать, что выполнению этой задачи Страхов посвятил всю жизнь, что "знамя борьбы своего с чужим" в литературе, как, впрочем, и в науке, в общественной и творческой жизни, было его единственным "знаменем". Так же верен он оставался принципам григорьевской органической критики, указывающей на бесплодную ограниченность западнического рационалистического теоретизма (революционного прогрессизма) и на утопичность отвлеченно-теоретических славянофильских проектов возрождения допетровской Руси. Наиболее правильной журнально-публицистической формой, общедоступной и способствующей развитию у читателей национального самосознания, Страхов считал обсуждение вопроса об ученичестве и подражательстве. Надо ли России учиться у Европы? Можем и должны ли мы обустроить свою жизнь по западному образцу? "Мы ученики Запада, в этом нет сомнения. Но люди, стоящие за прогресс и всяческое развитие... не хотят, чтобы мы когда-нибудь перестали быть учениками. <...> Этот спор все-таки составляет существеннейший и важнейший вопрос самой школы; ибо все учение напрасно, вся школа не имеет смысла, если ученикам суждено вечно оставаться учениками, если они никогда не дорастут до самостоятельности и зрелости. Собственно говоря, вопрос о нашей самобытной духовной жизни, о том отношении, в которое мы должны поставить себя к громадному и блистательному авторитету Европы, есть самый существенный из наших вопросов. Он давно был поднимаем, принимал различные формы, постепенно зрел и раскрывался, и умереть и заглохнуть ему так же невозможно, как невозможно ребенку перестать расти, хотя этого иногда и желали бы некоторые чересчур усердные педагоги" [Страхов 1902, 156 - 157]. Самостоятельность в суждениях, самобытность мышления, стояние на своих ногах, чувство почвы под ногами - не только главная забота Страхова и основной мотив всех его статей, книг, переписки с великими современниками и молодыми почитателями-учениками, но и его важнейшее методологическое требование.

Страхову приходилось работать, уточняя и преодолевая немалое количество препятствий. Его собственное мышление, вышколенное классическим естествознанием, было едва ли не наименьшей среди сложностей, с которыми ему приходилось справляться; жесткая политическая цензура, статус государственного чиновника, довольно грубые нравы журнальных полемистов 60 - 70-х гг. и т.п. требовали особой, изысканной простоты и речевой виртуозности. Для того чтобы высказаться с наибольшей содержательной полнотой, он долгое время обращался к косвенным жанрам: писал, скажем, в форме литературной критики рецензии на социально-исторические статьи и книги, выходящие в Европе и России. В обстановке потакавания газетных и журнальных редакций вкусам разобщенной, разбившейся на партии публики Страхов вынужден был скрывать свои мысли о высших духовно-религиозных началах национальной русской и славянской самобытности, беречь их от поругания с разных сторон³. Интересный случай в этом роде высказывания намеком представляет небольшая статья Страхова "Славянофильство и Гегель" (1864) из серии статей в "Эпохе" под общим заглавием "Заметки летописца" [Страхов 1864 web]. Большую часть этой статьи занимает перевод письма П. Я. Чаадаева Фр. В. Шеллингу о том, что славянофильство в России является следствием влияния гегельянства. Очень аккуратно Страхов замечает, что, "конечно, верно и не подлежит никакому сомнению, именно, что славянофильство развилось

у нас под влиянием немецкой философии, хотя может быть не исключительно под влиянием Гегеля, как полагает Чаадаев" [Там же]. И тут же переакцентирует внимание на важное обстоятельство такого влияния и общие теоретико-методологические следствия из него: "как скоро речь пойдет о народе, понимаемом не как простое скопление человеческих неделимых, то уже по словам видно, откуда мы взяли форму для этих мыслей. Тут непременно будет - *органическое целое и развитие, самобытность и заемные формы, народный дух и его проявления* и др. Одним словом, мы не можем говорить о народе иначе, как словами или прямо немецкими, или переведенными с немецкого, т.е. мы употребляем философские категории, выработанные и разъясненные немцами. <...> Чистые голые формы, от которых содержание нисколько не зависит, можно заимствовать с полным правом. Поэтому философия, рассматриваемая с формальной стороны, как метода, как приемы мысли, составляет такое же общее достояние, как и математика. Никак нельзя этого сказать о нашем расположении понимать политическую жизнь по французским или даже по английским образцам. Формы политической жизни тесно сливаются с самым содержанием, с историческою индивидуальностью народа, которому они принадлежат"⁴ [Там же]. Для внимательных читателей "Эпохи", которые, конечно, еще не успели забыть историю закрытия издания братьев Достоевских - журнала "Время" и которые узнавали в "Летописце" того самого неверно истолкованного "Русского", которого записные патриоты приняли за врага России, заметки эти были продолжением разговора о преимуществах и своеобразии национальной культуры и политики перед лицом конкурирующих развитых чужеродных форм (см. [Страхов 1863 web]).

Для уточнения герменевтической отзывчивости и критико-полемической стойкости Страхова наибольший интерес представляют его размышления о работе "Россия и Европа" его близкого друга Н. Я. Данилевского. Оказав безусловную поддержку этому труду как выдающейся интеллектуальной инициативе, отдав должное высокому научному качеству, основательности и самобытности мысли, он вовсе не признал содержащуюся в нем теорию культурно-исторических типов некоей окончательной истиной. Главную заслугу Данилевского Страхов увидел в новизне, оригинальности взгляда на историю, дающего формулу "более справедливую, более научную, более способную уловить действительность предмета, чем прежние формулы. Именно, он отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации. Такой цивилизации нет, говорит Данилевский, существуют только частные цивилизации, существует развитие отдельных культурно-исторических типов. Очевидно, прежний взгляд на историю был искусственный, насильственно подгоняющий явления под формулу, взятую извне, подчиняющий их произвольно придуманному порядку. Новый взгляд Данилевского есть взгляд естественный, не задающийся заранее принятой мыслью, а определяющий формы и отношения предметов на основании опыта, наблюдения, внимательного всматривания в их природу. Переворот, который "Россия и Европа" стремится внести в науку истории, подобен внесению естественной системы в науки, где господствовала система искусственная. <...> Главный вывод "России и Европы" столь же самостоятелен и столь же поразителен своей простотой и трезвостью, как и вся эта теория. Славяне не предназначены обновить весь мир, найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов. Вот решение, разом устраняющее многие затруднения, полагающее предел иным несбыточным мечтаниям и сводящее нас на твердую почву действительности. <...> Да и вся теория Н. Я. Данилевского может быть рассматриваема как некоторая попытка объяснить положение славянского мира в истории, - эту загадку, аномалию, эпицикл для всякого европейского историка. В силу того исключительного положения среди других народов, которому в истории нет вполне равного примера, славянам суждено изменить укоренившиеся в Европе взгляды на науку истории, взгляды, под которые никак не может подойти славянский мир" [Страхов 1889 web, XXI-XXXIV]. Удивительно, что такое толкование и оценку Страхов сформулировал в 1871 г. после первого знакомства с работой Данилевского и ничего не изменил в ней ни при последующих переизданиях в течение более

двадцати лет, ни в результате острой полемики конца 1880-х - начала 1890-х гг. Наоборот, его мысли получили новые подкрепления в ходе дополнительных исследований для доказательства научной добросовестности друга и для разъяснения вопроса заинтересованным в истине читателям. Не было бы счастья, да несчастье помогло: многочисленным уточнениям герменевтико-критической позиции Страхова по национальному вопросу мы обязаны внезапной, оскорбительно внешней критике концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, предпринятой В. С. Соловьевым. Данилевский обвинялся фактически в прямом плагиате. Страхов вынужден был отвечать, разочаровываясь в соловьевских установках мышления и все более обстоятельно проявляя свои.

Несмотря на обширность обвинительных рассуждений Соловьева в адрес концепции культурно-исторических типов⁵, эти рассуждения оказались малосодержательными⁶; Соловьев не собирався разбирать достоинства и слабости книги Данилевского как научного труда, его цель была убедить аудиторию в ничтожестве произведения и некомпетентности автора. "Главный грех в "системе" Данилевского состоит в том, что она основана на *мнимой* величине, ибо культурно-исторических типов в смысле Данилевского, как это указано и, с вашего позволения, доказано в моем разборе, не существует и никогда не существовало в действительности" [Соловьев 1889 web]. Вл. Соловьев в статьях и при личных встречах со Страховым делал вид, что не понимает его разъяснений о том, что Данилевский назвал культурно-историческим типом не физические группы народов, а самобытные формы их культур, способов исторической жизни и развития. Он настаивал, что все эти интерпретации являются выдумками Страхова, попытками "приписать явную нелепость о расчленении анатомических групп на события", искажениями учения Данилевского, и что это учение не имеет никакого другого смысла кроме выражения архаичного и агрессивного, "языческого" национального эгоизма, безнравственного "брюшного патриотизма" [Соловьев 1923, 41]. Н. Н. Страхова эта история огорчала не только разрушением добрых личных отношений с Соловьевым, которые он высоко ценил и берег, но более всего дурным примером умственной безответственности и несправедливости, "вопиющей напраслиной на книгу", заслуживающую внимательного изучения и обсуждения [Страхов 1898, 187]. "Что меня возмущало у Соловьева - это то, что он не взял вопроса в полноте (а для этого не было лучшего случая, как книга Данилевского), что он вовсе и не подумал о значении народности в жизни людей". "Меня не Соловьев трогает, хотя он стал и писать и вести себя пренебрежительно, а мне важны читатели", - подчеркивал он объективную общественно-просветительскую значимость полемики [Переписка 1914, 373, 414]⁷.

В. С. Соловьев же в своей "критике" не дал никакого нового поворота национальной идеи, а постарался ее уничтожить путем морально-религиозного осуждения, что для Страхова стало свидетельством отсутствия свободы в мышлении оппонента. "Я теряю веру в Соловьева. Когда человек добровольно откажется от умственной свободы, он уже не может рассуждать вполне разумно и ясно" [Переписка 2011, 454]. "На тему, что нужно стоять *на своих ногах*, можно сказать многое; всю жизнь мне было противно *рабское* умственное подчинение, которое у нас так обыкновенно, и я умею, кажется, отличить его от *сознательного* уважения авторитета. Соловьев очень отважен, но у него нет сознания почвы под ногами, нет внутри точек опоры, и он ищет их вне - в догматах, в Риме" [Там же, 461]. Догматы и заповеди в силу их окончательности не могут быть "почвой" для мысли; подобно логическим законам они ограничивают, а не развивают мысль. Буквально за несколько недель до цитируемых писем А. А. Фету Страхов писал о "почве" В. В. Розанову: "Чужие мысли только помогают моей, и я во множестве книг ищу и нахожу только *свое*. В этом и состоит настоящее чтение, т.е. такое, когда мысль работает бодро и вполне". "Вот почему я так люблю ссылаться на всякие книги, и говорить не от себя, а чужими словами, сопоставляя и толкуя слова какого-нибудь автора. Тогда я чувствую себя на твердой почве" [Розанов 2001, 11, 12]. Употребление здесь Страховым слова "почва" не случайно и говорит о развитии свободно-консервативной мысли избегающего всяких "знамен" философа (см. [Ольхов 2010]). Добровольный отказ от независимого критического мышления в пользу одной из многих возможных точек зрения равнозначен интеллектуальному построению под "знамя", и Соловьев в споре о культурно-исторических типах показал

себя представителем "искусственной системы" мышления (не случайно у него так правдоподобно получилось с "уточняющим" переводом-интерпретацией Рюккерта), который уже заранее знает, как должно быть⁸.

Как же следовало подойти к вопросу о народности, отталкиваясь от книги "Россия и Европа", с точки зрения Страхова? Можно предположить, что более всего Страхов ждал среди откликов и мнений о книге таких, в которых были бы сформулированы новые пронизательные, точные и тонкие суждения о русском национальном типе, характере, обычаях, чертах культуры и т.п., высвечивались бы противоречия и неоднозначность национального сознания и самосознания, так уже богато выраженные в образах русской литературы, но совсем мало и туманно отраженные в критике и публицистике. Сам Страхов в период сближения с Н. Я. Данилевским в 70-е гг. (прежде всего на почве совместного труда по изданию "России и Европы") неоднократно раскрывал ему в письмах отнюдь не лицеприятные мысли о вредных и опасных крайностях великорусского национального характера⁹, и тут же признавался, что "находит великую отраду в том, что принадлежу к народу, в будущность которого нельзя не верить, и к государству, которое незыблемо крепко держится духом этого народа. Если бы не эта вера, то мог ли бы я при нынешних обстоятельствах спокойно читать свои книги и продолжать свои размышления, не виляя языком с утра до вечера, как это делают многие вокруг меня? Я не читаю газет, не делаю напрасных догадок, не браню и не хвалю, а терпеливо и спокойно жду, пока совершится то, что от меня не зависит, в чем не могу и не умею действовать. Но очень грустно и тяжело видеть такой упадок русского духа, такое странное безлюдье, такое низкое настроение умов и душ, разумеется вверху, а не внизу" [Письма 1901, 134]. Потому Страхов и считал литературу высшей и лучшей, если не единственной в России, формой самопознания: национальных мыслителей, сопоставимых с национальными писателями - Пушкиным, Островским, Толстым, - для него просто не существовало. И эту проблему Страхов тоже обсуждал с Данилевским, открыто утверждая превосходство художественной точки зрения над идейно-политической. "Тут есть противоречие, разрешить которое я не берусь, но которое живо чувствую в себе самом. Я безмерно удивляюсь Толстому, что он с непоколебимой стойкостью держится взгляда, внушаемого ему самою его натурой, самым его гением, притом взгляда трудноуловимого, не имеющего установившихся форм, не вкладывающегося в готовые выражения. Как критик я в большом восхищении от такого глубоко-оригинального явления; как человек я чувствую в себе те струны, которые берет Толстой, и люблю его всею душою. Вы называете это фатализмом, квиетизмом, культом ежедневности (так?); но это не то; вместо того чтобы браниться, попробуйте точнее сформулировать то, что хочет сказать Толстой и что сказать ему самому так ужасно трудно, и вы убедитесь, что тут отражаются если не все, то наверно наилучшие стороны нашего народного характера. Вы, например, очень ошибаетесь, говоря, что он идеализирует Александра! Дня три назад наш Сент-Илер (у нас есть такой зоолог и педагог) даже с большим жаром доказывал мне, что Толстой величайший из наших нигилистов, что он, например, представил в смешном виде чувство преданности государю. В сущности, и это неправда; он представил эти чувства в их *истинном* виде, так что вы не знаете, умиляться или смеяться. Это не только юмор, это что-то выше всякого юмора, какое-то разоблачение души во всем ее ничтожестве и вместе красоте" [Письма 1901, 136].

О том, какой должна быть, по Страхову, верная постановка национального вопроса, можно предполагать довольно уверенно, опираясь на общие принципы страховского методологического учения и содержание последней статьи полемики цикла "Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского". Н. Н. Страхов всегда настаивал на универсальной "гегелевской методе" диалектического развития понятий как "полном выражении научного духа" [Страхов 2007, 66]. "Философия немецкого идеализма вообще чужда догматичности, дает свободу и вполне развязывает ум" [Розанов 2001, 14], а свобода и самостоятельность ума, философского и научного мышления, по Страхову, - главное условие развития, продвижения к новым уровням понимания. "Особенность взгляда, по некоторым основаниям, справедливо считается его достоинством, дает ему большую цену..." [Страхов 2007, 66]. У Данилевского был этот особенный взгляд, не противоречащий общепринятым

научным основоположениям, напротив, отражающий самый передовой на тот момент методологический опыт естественной истории натуралистов и историко-культурных исследователей, т.е. несущий в себе основное достоинство знания: основательность оригинальной точки зрения и самостоятельность выводов. Дальнейшим развитием научной значимости труда было бы философское развитие всех и любого из ключевых понятий теории Данилевского - "культура", "национальность", "нация", "тип"¹⁰ развития", "культурная основа" и т.д., и Страхов тонко понимал и указывал на эти исследовательские перспективы.

Понятие типа, избранное Данилевским для обозначения высшей формы единства культурно-исторического развития, попало в круг его предпочтений, разумеется, не из книги немецкого историка Г. Рюккерта, как это заподозрил Соловьев, и которую Данилевский не читал, - вообще не из словаря философско-научной немецкой традиции, как это можно справедливо полагать относительно "типа" у шеллингианца Ап. Григорьева, - а "навечно" непосредственно его биологической специальностью, индуктивными предпочтениями биологически вышколенного мышления. "Естественная система, как она выработана в ботанике Линнеем и Жюссье, а в зоологии Кювье, не задается какими-нибудь общими понятиями о предметах своего исследования, а берет эти предметы во всем разнообразии их существования и постепенно образует из них группы, пользуясь всем, что только указывает на их раздельность, и ища в этих наблюдениях и самых тех принципов, на которых основано разделение этих групп в действительности. Это самый широкий и свободный прием, не делающий никакого насилия порядку природы, почему его и называют естественной системой" [Страхов 1898, 172]. Наоборот, "искусственность Рюккерта заключается в том, что он заранее предполагает *органическое единство* в истории, заранее определяет и ее *цель*, то понятие "высшего человеческого существования", которое он себе составил, и ее средство - культуру, и то направление, по которому должно идти движение этой культуры. Поэтому он, несмотря на свои старания держаться фактов, несмотря на рассуждения о различных типах культуры, пришел-таки к тому, что признал некоторую *главную нить* в истории и расположил по этой нити все свое изложение фактов" [Там же]. В этой статье Страхов вышел на "высшую точку зрения в полемике", показав на примере концепций Рюккерта и Данилевского, которые Соловьев ошибочно соотнес как "оригинал" и "список", противоречие между искусственной и естественной системами в исторических теориях как основное методологическое противоречие". И методологический выход этот тоже не случайная удача, а осуществление продуманного исследования¹², показавшего, что "взгляд, высказанный в "России и Европе", находит себе оправдание в литературе истории, что чем правильнее вели свое дело историки, тем ближе они подходили к этому взгляду" [Там же, 155]. Страхов подчеркивал, что труд Данилевского замечателен своей укорененностью в почве исторической литературы и одновременно остроумием и неожиданным первенством в провозглашении совершенно нового видения истории культур и народов. Отношение между зачатками мысли, которые можно обнаружить у многих писателей, правда, в несформулированном виде, и самой идеей Данилевского "...составляет некоторый неожиданный поворот в решении вопроса, нечто подобное колумбову яйцу или распутыванию эпициклов посредством перенесения центра системы из земли в солнце; все было готово для новой точки зрения, но это не значит, что была найдена самая эта точка" [Страхов 1898, 157 - 158]. И хотя "теория Данилевского подтверждается множеством исторических писателей, у которых мы постоянно видим на сцене народы, а человечества никогда не видим", это не значит, что дело можно считать законченным [Там же, 175].

Н. Н. Страхов в последние годы потому и не хотел продолжать писать на эту тему, что видел необъятность исследовательских задач для прояснения понимания национального характера, культурных основ языка, экономики, государственности, религии, в общем и на исторических примерах охарактеризованных в "России и Европе", но не приведенных еще к ясному понятию ни в какой из отдельных областей культурно-исторических исследований. "Предмет этот очень обширен и труден. Данилевский в основу каждого типа полагает особое племя, которое отделяется от других племен особым языком. Но что значит особый язык?" [Там же]. Н. Н. Страхов переводит фрагмент начала книги В. фон Гумбольдта

"О различии строения человеческих языков", чтобы показать несведущим в языкознании читателям значение языка в национальной истории и "высший интерес" сравнительного языкознания. "Итак, - подытоживает смысл выдержки Н. Н. Страхов, - особый язык есть проявление особого национального духа, обнаружение той силы, которая создала и сохраняет народ, говорящий этим языком. Всемирная история есть история этих проявлений, важных именно потому, что в них "дух человеческий обнаруживается все в новых и часто более высоких формах", что тут происходит некоторое "возвышение или расширение внутреннего бытия"" [Страхов 1898, 175 - 176]. Здесь можно усмотреть интуицию Страхова о перспективах будущих лингвокультурных семантических изысканий, а можно заметить некую уступку метафизической предпосылочности в духе "искусственной" традиции немецкого идеализма, но нельзя не согласиться, что вопрос действительно слишком труден и требует специального научного рассмотрения.

Для разъяснения теоретического значения и самобытности научного труда Н. Я. Данилевского Страхов сделал, что мог, но "...пришла для нас и пора самосознания, стремления понять эту душу, понять дела, ею совершенные, и дух, ею движущий. Мы говорим, следовательно, о сознательном патриотизме, свойственном людям мыслящим, способным рассуждать о своих чувствах, и задаемся вопросом: чему должен служить русский человек, служа своей Родине?" [Страхов 1863 web]. В такой постановке вопроса звучит неудовлетворенность объективным знанием "естественного", органического национализма. Осмысление славянского и, шире, национального вопроса у Страхова предполагало глубокую историческую проработку новых для научной сферы понятий, интенсивный диалог, "совместное мышление" со своими старшими и младшими современниками, единомышленниками и оппонентами, учет всего богатства художественного опыта народа, содержало потенциальную необходимость междисциплинарных исследований. Целостность и открытость страховских размышлений по национальному вопросу была поучительной в свое время и до сих пор остается образцом ответственного философского мышления. В первых десятилетиях XXI в., в обстановке резкого возобновления полемик о национальном, следовало бы учитывать и то далекое, герменевтически перспективное понимание национального вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев 1990 - *Григорьев А. А.* Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // *Григорьев А. А.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. Статьи; Письма / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Худож. лит., 1990. С. 7 - 47.
- Колубовский 1891 - *Колубовский Я. Н.* Материалы для истории философии в России (1855 - 1888). IX. Н. Н. Страхов // *Вопросы философии и психологии.* 1891. N 3. Кн. 7. С. 89 - 121 (http://journals.rhga.ru/journals/nums.php?SECTION_ID=372).
- Мотовникова 2011 - *Мотовникова Е. Н.* Философская публицистика Н. Н. Страхова: предпосылки (не)понимания // *Вопросы философии.* 2011. N 12. С. 88 - 96.
- Мотрошилова web - *Мотрошилова Н. В.* Почему опубликование 94 - 96 томов собрания сочинений М. Хайдеггера стало сенсацией? / http://iph.ras.ru/94_96.htm
- Ольхов 2009 - *Ольхов П. А.* Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н. Н. Страхова "Вздых на гробе Карамзина" // *Вопросы философии.* 2009. N 5. С. 125 - 132.
- Ольхов 2010 - *Ольхов П. А.* Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н. Н. Страхова // *Философия и культура.* 2010. N 8. С. 103 - 109.
- Переписка 1914 - Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870 - 1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб.: Изд. Об-ва Толст, музея, 1914.
- Переписка 2011 - Переписка с Н. Н. Страховым. 1877 - 1892 // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Том 103 в 2-х книгах. Книга вторая. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233 - 550.
- Письма 1901 - Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // *Русский Вестник.* 1901. N 1. С. 127 - 142.
- Розанов 2001 - *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Изд-во "Республика", 2001.

- Соловьев 1889 web - *Соловьев В. С.* О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. N 1 / <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>
- Соловьев 1923 - *Соловьев Вл.* Письма. Т. IV / Под ред. Э. Л. Радлова. Пб.: Изд-во "Время", 1923.
- Страхов 1863 web - *Страхов Н. Н.* Роковой вопрос // Время. 1863. N 4. Отдел II. С. 152 - 163 / http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0360oldorfo.shtml
- Страхов 1864 web - *Страхов Н. Н.* Заметки летописца. "Эпоха". 1864. N3 / http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml
- Страхов 1876 - *Страхов Н. Н.* Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Т. I. Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. С. 1-Х.
- Страхов 1889 - *Страхов Н. Н.* Жизнь и труды Н. Я. Данилевского // *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. 4-е изд. СПб., 1889. С. IX-XXXIV (http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1888_danilevsky.shtml).
- Страхов 1898 - *Страхов Н. Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерт и Н. Я. Данилевского // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. третья. Изд. 2-е. Изд. И. П. Матченко. Киев, 1898. С. 153 - 188 (http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1894_istoricheskie_vzglyady.shtml).
- Страхов 1902 - *Страхов Н. Н.* Западничество и славянофильство // *Страхов Н. Н.* Критические статьи (1861 - 1894). Том II. Изд. И. П. Матченко. Киев, 1902. С. 135 - 202.
- Страхов 2000 - *Страхов Н. Н.* Бедность нашей литературы // *Страхов Н. Н.* Литературная критика: Сборник статей / Вступ. ст. и сост. Н. Н. Скатова, коммент. В. А. Котельникова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 42 - 95 (http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0070.shtml).
- Страхов 2007 - *Страхов Н. Н.* Мир как целое / Предисл., коммент. Н. П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007.

Примечания

¹ Накопленный массив эмпирических и теоретических, специализированных и междисциплинарных исследований позволяет перейти к целостной предметной и методологической рефлексии подходов к постановке этого вопроса в общем контексте интеллектуальной истории. См., напр.: тематические номера "Нация и национализм" журнала "Логос" (2006. N 2 и 2007. N 1); научные и научно-публицистические статьи О. Б. Неменского, В. А. Шнирельмана, В. А. Тишкова и многих других. Однако собственно герменевтика национального в отечественных исследованиях остается проектной перспективой и ожидает прежде всего историко-философской мобилизации. По-видимому, схожая ситуация и в зарубежных исследованиях: сенсацией, которая требует нового герменевтического опыта, стала публикация 94 - 96 томов полного собрания сочинений Хайдеггера с их этносоциальными мотивами (см. [Мотрошилова web]).

² В 1858 г. Ап. Григорьев настаивал на истинности шеллингианского тезиса: "Развиваются - если можно уже употребить теперь это слово - народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Каждый таковой организм, так или иначе сложившийся, так или иначе видоизменивший первоначальное предание в своих преданиях и верованиях, вносит свой органический принцип в мировую жизнь. <...> Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой" [Григорьев 1990, 27 - 28].

³ Подробнее о проблемах восприятия читателями журнального творчества Н. Н. Страхова см: [Мотовникова 2011].

⁴ Выявление культурно-исторических пластов смысла в дискурсе национализма и сегодня одна из самых продуктивных стратегий прояснения и понимания национального сознания и самосознания. См., например, работы В. А. Шнирельмана, статью С. Филюшкиной "Национальный стереотип в массовом сознании и литературе" (Логос. 2005. N 4) и др.

⁵ Ход полемики с важнейшими откликами на нее за 1888 - 1891 гг. представлен обзорно и объективно раньше всего в материалах Якова Николаевича Колубовского (1863 - 1929), блестящего библиографа русской философской литературы: [Колубовский 1891]. О материалах интересующей нас полемики см.: [Колубовский 1891, 116 - 121].

⁶ За шесть лет неравномерной полемики опубликованы сотни страниц: *Соловьев В. С.* Россия и Европа // Вестник Европы. 1888. N2, 4; *Страхов Н. Н.* Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью Вл. Соловьева "Россия и Европа" // Русский вестник. 1888. N 6; *Соловьев В. С.*

О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. № 1; *Страхов Н. Н.* Последний ответ Вл. Соловьеву // Русский вестник. 1889. № 2. Однако Вл. Соловьев решил продолжить борьбу: *Соловьев В. С.* Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1889. № 3; *Страхов Н. Н.* Спор из-за книг Н. Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. № 12; *Соловьев В. С.* Мнимая борьба с Западом // Русская мысль. 1890. № 8; *Страхов Н. Н.* Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского // Новое время, 1890 от 21 сентября и 20 ноября; *Соловьев В. С.* Счастливые мысли Н. Н. Стрхова // Вестник Европы. 1890. № 11; *Соловьев В. С.* Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. № 12; *Страхов Н. Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского // Русский вестник. 1894. № 10.

⁷ Дальше в этом же письме Страхов сердится и жалуется Л. Н. Толстому: "Вопрос, как видите, превосходный; Соловьев, как пророк, его решил, и, конечно, как инквизитор, сжег бы меня и все экземпляры России и Европы. Но дурень он, дурень! Что ж он сделает плохими журнальными статейками? Только себя осрамит! А между тем, он уже заранее торжествует в этом самом письме: "В этом споре из-за России и Европы последнее слово во всяком случае должно остаться за мной - так написано на звездах". Нет, он слепой человек, угорелый почти до помешательства" [Переписка 1914, 415].

⁸ Страхов писал Розанову 18 мая 1888 г., обсуждая с ним свою полемику: "А Соловьев в "Критике отвлеченных начал" говорит нечто согласное с тем, что теперь, т.е., что нам назначена Богом не *культура*, а религиозная роль в человечестве" [Розанов 2001, 15].

⁹ Так, например, Страхов писал Данилевскому осенью 1874 г.: "...нынешняя литература, наконец, начинает возбуждать во мне злобу, да и все наше современное искусство, живопись, музыка и проч. В ней, очевидно, господствует дух великорусского мужика. Чистые мужики, да еще костромские: Некрасов, Островский, Писемский, Потехин (все из Костромы); а к ним примыкают и Достоевский, и Салтыков, и композитор Мусоргский (недавно с огромнейшим успехом шла его опера *Борис Годунов*), и живописец Репин и т.д., и т.д. Настоящее искусство у нас заведено татарами (Державин), неграми (Пушкин), хохлами (Гоголь), а из великороссов жители Украины (Толстой, Тургенев). Но теперь чисто великоросский элемент берет верх и грозит все затопить. Великороссы не имеют дара к искусству и философии: это практический, прозаический народ. Им не нравится "Россия и Европа" (Вы ведь отчасти малоросс, а может быть и совсем?), а глумление Щедрина над русским народом и русской историей им по душе. Негодное племя! Они портят все сами в себе; на все способны, но ничему не отдаются всею душой и ничего не могут создать. Все, за что они берутся, тотчас у них опошляется и доводится до гадости. Они погубят наше искусство. Я встречал у образованных и тончайше развитых людей такие примеры грубости, отсутствия изящества, отсутствия понимания духовных вещей, что ужасался. И при этом бестолковейший энтузиазм, который вечно вспыхивает и никогда не горит ровно и долго. Мысль о значении северного великорусского элемента в нашей литературе была высказана Ап. Григорьевым, который сам был удивительным типом москвича по грубости чувства изящного, по энтузиазму и неустойчивости" [Письма 1901, 133 - 134].

¹⁰ Интересно, что современное состояние естественной систематики в биологии тоже характеризуется наличием проблемы с формализацией используемого понятия типа: "Долгое время считалось, что выделения в особый тип заслуживает группа, обладающая самостоятельным планом строения, не сводимым к планам строения других типов. Однако ввиду отсутствия строгой формулировки понятия *план строения* (и самой возможности строгой формулировки такого понятия) это требование утратило свою актуальность" ([http://m.wikipedia.org/wiki/Тип_\(биология\)](http://m.wikipedia.org/wiki/Тип_(биология))).

¹¹ Это противоречие, конечно, в свою очередь тоже требует дальнейшего методологического развития.

¹² Планом этого исследования Страхов делился в письме В. В. Розанову от 4 июля 1893 г. с довольно откровенным намеком-просьбой: "Великая была бы для меня радость, если бы кто взял на себя определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского. <...> Если рассматривать зачатки мысли о национальностях в истории, то нужно бы взять 1) Гердера, 2) Шеллинга и Гегеля, 3) Вильгельма Гумбольдта. Тут везде можно указать, что человечество все больше и больше оказывается отвлеченным понятием, а реальность народностей выступает все яснее" [Розанов 2001, 126 - 128]. Все названные имена упомянуты в статье с краткой характеристикой их вклада в развитие темы в специальной главке VIII "Развитие взглядов на историю" [Страхов 1898, 173 - 176].